

АВТОРЫ КНИГИ

ПРИХОДЬКО Николай Зиновьевич, ломщик
ПРОХОРОВ Иван Алексеевич, забойщик
ПШИКУН Андриан Иванович, ломщик, конно-
забойщик

ПШИКУН Михаил Андрианович, десятник

ПШИКУН Михаил Андрианович, десятник

ПЫЛАЕВ Андриан Николаевич, машинист
подъемника

ПЫЛАЕВ Иван Михайлович, ломщик

ПЫЛАЕВА Маремьяна Ерофеевна, домохозяйка

РАСТВОРОВ Константин Сидорович, забойщик

РЫБАКОВ Андрей Леонтьевич, партработник

САНДРИГАЙЛО Николай Фаддеевич, горный
техник

СВИСТУНОВ Михаил Николаевич, электрик

СЕРГЕЕНКО Иван Григорьевич, машинист ком-
прессора

СЕРЕБРЯКОВ Павел Киприянович, машинист
паровоза

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич, горный техник

СОЛОВЬЕВ Сергей Александрович, зам. глав-
ного инженера

СТАКАНЧИКОВ Анатолий Иванович, ломщик

СТАКАНЧИКОВ Степан Иванович, ломщик

СУЕТНОВ Семен Петрович, забойщик

ТИТОВ Алексей Васильевич, бухгалтер

ТИТОВ Андриан Филиппович, ломщик

ТИХОНОВ Яков Михайлович, дорожник-мастер

УСОВ-УСПЕНСКИЙ Николай Варфоломеевич,
прокатчик, актер

ХАРЗЕЕВА Анфиса Васильевна, секретарь ру-
доуправления

ЧЕРНЫШЕВ Зиновий Александрович, ломщик,
пенсионер

ЧЕРНЫШЕВА Таисия Зиновьевна, машинист
компрессора

ШЕВЦЕВ Иван Афанасьевич, забойщик, тех-
ник-практик

ШЕПТАЕВ Борис Иванович, горный техник

ШМОРГУН Александр Прокопьевич, десятник,
партработник

Запись и обработка
рассказов произведены
Ю. П. ЗЛЫГОСТЕВЫМ

О книге

Создание научной и художественной истории заводов движется медленнее, чем следовало бы. Но эта медлительность в выпуске книг не свидетельствует о слабости или бесплодности работы. Медлительность определена трудностью задачи, ее исключительной ответственностью и все более высокими требованиями к нашим изданиям. Поэтому рукописи переделываются вновь, и опять перебираются все архивохранилища, не прекращается сбор воспоминаний, возобновляется обсуждение узловых моментов в жизни предприятий, продолжаются поиски наиболее целесообразного оформления богатейшего материала.

Несмотря на то что работа сегодня разворачивается не столько вширь, сколько вглубь, она не теряет своего массового характера. Рабочий класс сам пишет свою историю — этот лозунг блестяще подкреплён сегодня не только теоретическими аргументами, но прежде всего фактами самой жизни, практикой многих сотен рабочих. Именно этот коллективный характер составления истории предприятий обеспечил возможность творческой и разносторонней работы профессиональных историков и писателей. В результате, естественно, возникают книги, внешне не очень похожие одна на другую, но связанные как единством общей политической идеи, так и стремлением осмыслить, выразить замечательный опыт миллионов строителей социализма, проверяющих исторический путь своего класса для еще более самоотверженной и сознательной борьбы за день завтрашний.

В ряду наших книг «Были горы Высокой» — целостное эпическое повествование, рассказанное участниками описываемых событий, героями тех дел, которые скромно и убедительно воспевают эта книга. Сто авторов книги — сто действующих лиц. Это не результат отбора наиболее замечательных людей Железного и Медного рудников — это рассказ рядовых. Среди них партийцы и беспартийные, более и менее сознательные, грамотные и неграмотные, старые и молодые — отцы и дети, деды и внуки. Но это не мозаика воспоминаний, не хрестоматия отрывков. Суровый ход событий, их историческая последовательность, их логическое развитие определяют переход слова от одного автора к

другому. Особенности личного восприятия событий, своеобразные детали, сохранившиеся в памяти, разный угол зрения и ширина охвата материала рассказывающими наглядно обнаруживаются каждым читателем. Читатель отметит не всегда достаточное умение расспросить авторов-героев, помочь им выявить наиболее существенное, вместе с ними ухватиться за наиболее важное звено в цепи их воспоминаний. От более продуманной и разносторонней организаторско-редакционной работы книга вовсе не потеряла бы своего характера свежей непосредственности. А это в книге самое замечательное: никакой нарочитости, отсутствие деланности, простая передача будничной конкретности героической борьбы масс.

Будни героики — здесь нет у авторов ни надуманного возвышения будней героикой, ни снижения героики будничной прозой. Будни — героичны, героизм — повседневен — таков стиль социалистической действительности, родившей лозунг социалистического реализма. Этим же определено и своеобразие книги как документа растущего массового героического эпоса.

В «Былях горы Высокой» сохранены особенности языка авторов. Здесь это обосновано и оправдано. И именно эта запись живой речи рабочих неизбежно оказывается полемически направленной против дурно-интеллигентского «изобретения» слов и против народнического преклонения и сюсюкания перед местными словечками, перед «провинциализмами». Рабочие-рассказчики стремятся найти слова, наиболее точно, наиболее ощутимо и в то же время наиболее лаконично передающие их воспоминания. Там, где это им удается, — там рассказы начинают превращаться в типические изображения, в художественные картины.

Субъективизм авторов не приходит в противоречие с объективностью книги. Рассказывая о себе, авторы все время рассказывают и о других, больше того — без какого-либо принуждения, без самонадеянного ощущения необходимости, часто даже бессознательно авторы всегда говорят о себе как о части класса. Они — клеточки целого и живого организма, — и это крепкое и бодрое ощущение своей связанности со всем коллективом, эта глубина слияния личной судьбы с общим делом особенно характерны для «Былей горы Высокой». Субъективизм пролетарских борцов не требует никакой лакировки действительности, замалчивания каких-либо ее сторон, ее искажения, — наоборот, именно большевистская партийность дает возможность наиболее объективного познания. Точка зрения борющегося пролетариата превращает субъективизм авторов в объективность их по-

вестования, повышая историко-познавательное значение «Былей горы Высокой».

В письме, адресованном в Главную редакцию, авторы книги пишут: «Под лозунгом создания коллективной истории Высокогорского железного рудника мы вели повседневную разъяснительную работу — литературное воспитание масс. Желая изложить факты прошлого, малограмотные рабочие трудились над овладением простейшей литературной формой, культурно росли, на ходу повышали грамотность. Их задело за живое, и они становились начинающими писателями, еще сами не подозревая того. Так мы постепенно вводили себя самих в круг литературного ремесла. Теперь на руднике работает литкружок из полутора десятков способных авторов-горняков, которые сами поражены этим фактом». Это сообщение представляет общий интерес.

Имеется на предприятиях ряд литкружков, основным содержанием работы которых стало составление истории своего завода. Но много литкружков осталось в стороне. В кружках, занявшихся историей, поставлена определенная задача. Литературное «ремесло» стало близким литкружковцам не потому, что они вообще уважают литературу или хотя бы вообще быть писателями. Литературное «ремесло» оказалось для них необходимым в связи с реальным делом истории — историй их заводской практики. Так на Высокогорском руднике: здесь литературная работа не стала умильным поиском талантов, сладеньким восхищением перед первым написанным стихом, приобщением кружковцев к литературине. На Высокогорском руднике занимались литературой для дела, поэтому там на творческой работе учились. Там же, где литкружки существуют, не ставя перед собой определенных творческих задач, — там они либо напоминают пролеткультовские кельи и потому вредны, либо являются не литературными, а читательскими кружками.

Тема побочная, но следует ее сформулировать: необходимо по-настоящему организовать читательское движение. Библиотеки должны на деле стать не только центрами выдачи книг, но и центрами их обсуждения, опорными базами пролетарской литературной среды. Все наши литературно-критические журналы издаются для писателей, а не для читателей. Между тем организующее общественное мнение читателей могло бы стать сильнейшим орудием борьбы с недостатками среды профессиональных литераторов, с «литературными забавами», с нередкой порчей молодежи в литкружках.

Чем будут дальше заниматься «полтора десятка способных авторов-горняков»? Менее всего им необходимо ездить

в «дома творчества» — им нужно и далее заниматься во все большем объеме литературным ремеслом в связи с какой-либо новой практической задачей. Это может быть история какой-либо рабочей семьи, история гражданской войны в своем районе, описание героев труда как лучших из всей массы работающих, это — у некоторых — может быть и индивидуальная работа над избранной темой, это может быть и продолжение истории рудника.

Своеобразие работы по истории заводов заключается в самой задаче: писать историю не только вчерашнего дня, но и к материалу сегодняшнего дня подойти как к творимой истории, оценивая все значение происходящего, раскрывая законы его движения, показывая направление развития, обучая и массовых авторов и читателей сталинской политике большевистской партии.

Все книги по истории заводов строятся на постоянном противопоставлении двух миров. Дело не в том, чтобы дать один том до Октября и второй том посвятить эпохе пролетарской революции. Это противопоставление должно проходить через всю книгу.

В ходе работы выяснилось, что труднее всего работать над материалами, относящимися к реконструктивному периоду, над историей заводов в первую и вторую пятилетки.

Во многом это объясняется не только большой трудностью нового материала, но и неумением над ним работать.

Не раз указывалось, что история заводов за последние годы должна прямо и непосредственно вырастать из практического опыта масс. Лозунг освоения вновь подчеркнул эту важнейшую сторону дела. Авторские коллективы истории заводов должны быть своеобразными добровольными обществами текущего изучения своих предприятий. В результате их работы должны нуждаться и секретарь парткома, и директор, и главный инженер, и каждый сознательный рабочий, борющийся за марку своего завода или фабрики. На многих предприятиях издаются ежемесячные отчеты о работе цехов и предприятия в целом. Конъюнктурные справочники стали непременной принадлежностью каждого мало-мальски культурного работника промышленности. Эти справочники — условие и орудие оперативного руководства. Но стиль второй пятилетки включает в себе широту кругозора, ясность перспектив, не только конъюнктурный анализ и дробный разбор, но и целостное осмысливание особенностей завода, специфичности его развития, трудностей проходимого этапа, своеобразия его освоения. Это требуется борьбой за план — деловой, а не деляческой, систематиче-

ской, а не рывками, продуманной, а не близорукой. Между тем именно этого иногда нехватает заводским работникам. Авторские коллективы истории заводов, для которых совпадают объект описания и поле действий авторов как строителей социализма, должны включить в свой состав работников планово-экономических отделов, заводских газет и журналов, передовых ударников — рабочих и инженеров. На машиностроительных заводах, к примеру, работники истории заводов должны немедленно обобщать и широко обсуждать весь материал, относящийся к выпуску какой-либо новой машины. Люди, ее сделавшие, их технический опыт, их социалистическое развитие и самосознание, уроки освоения машины и практические предложения к дальнейшему выпуску этой машины — этим должны заниматься наши авторские коллективы.

Надо историю заводов превратить в орудие освоения сегодняшнего опыта, в орудие борьбы за высокую производственную культуру, характеризующуюся подлинным знанием своего завода, а потому и предвидением.

История заводов пишется не в порядке академических раскопок, а для практической борьбы за социализм. Ее автор — не бесстрастный летописец, а боевой стрдитель. Об этом еще раз напоминают «Были горы Высокой».

Некоторые из авторов этой книги помнят времена демидовщины. Их дети только на картинках видели городовых и фабрикантов. Некоторые из авторов еще только-только ликвидировали неграмотность. Их дети кончают рабфаки и вузы. Некоторые из авторов помнят труд из-под палки, труд тяжелый и ненавистный, труд на хозяина. Теперь для всех авторов разных положений труд стал содержательным и творческим, осмысленным и радостным. Хозяева страны хозяйски работают на своем предприятии. «Наш рудник», говорят они. И в этих словах не только победа над Демидовыми и Колчаками, но и рожденное этой победой, ломающее коренные традиции и вековые привычки чувство социалистической общественной собственности. И это чувство превращает их всех в борцов. Поэтому и нет в этой книге ни нудной созерцательности, ни ее частого спутника — деланно-патетической декламации. Авторы книги не нуждаются в дополнении или прикрытии уныло регистраторской бытовщины фразерски восторженным умилением наблюдателей. Голос «Былей горы Высокой» звучит величественно — речь идет о значительных событиях и переживаниях, речь идет не о чьих-то делах, поражениях и победах, а о своей жизни и борьбе; нередко в литературе отвлеченно морализаторскому вынашиванию «положительных типов» здесь противо-

стоит эпическая простота трудовой практики героев нашего времени.

Лозунги партии — научны. Из царства необходимости мы все быстрее продвигаемся в царство свободы. На смену товарному фетишизму приходит строй прозрачной ясности людских отношений. Практика людей — умная и мудрая большевистская практика — свидетельство дальновзоркости и силы предвидения учения Ленина — Сталина. Каждый шаг вперед осмысливается. Каждый шаг вперед — сознателен. Каждый шаг вперед — собирание нового опыта. Вот почему история заводов должна быть средством познания не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня. Вот почему в истории заводов рождается новый эпос — на этот раз не на основе мифологии, а на основе свободной, счастливой и научной практики миллионов людей — строителей социализма, этой новой поэтической действительности и будущего человечества.

Д. Мирский

О руднике

Среди индустриальных районов Советского союза Урал имеет своеобразную физиономию. Его промышленность создавалась на основе «того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»¹.

На Урале это «самобытное явление» дожило до 1861 года, а пережитки его и после того продолжали «давать о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта»². До самой ликвидации капитализма они окрашивали быт и труд уральского рабочего. Окончательно выкорчеваны они были только Октябрьской революцией.

Века крепостнической и полукрепостнической эксплуатации, власть хозяина — Демидова, его управителей, паук-подрядчиков, почти поголовная неграмотность, растлевающее влияние православных и раскольнических попов питали отсталость и забитость рабочего Железного рудника.

Но эта же эксплуатация воспитала огромную ненависть ко всему эксплуататорскому строю и его агентам.

«Были горы Высокой» — книга о пробуждении отсталого и забитого тагильского горняка. Сто рабочих авторов этой книги говорят о том, как в гигантском процессе революци-

¹ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 365.

² Там же, стр. 376.

онной борьбы и социалистического строительства еще вчера неграмотные и темные люди выросли в сознательных строителей социализма.

Высокогорский рудник — самый старый и один из наиболее богатых уральских рудников. Он был открыт при Петре I вогулом Яковом Савиным и отдан Петром Никите Демидову. Яков Савин был хорошо «награжден» за свое открытие. Демидов упорными притеснениями согнал его с родных мест. Сам Демидов из мелкого предпринимателя быстро вырос в могущественного феодала-заводчика. Он ловил и собирал у себя беглых и вольных людей, приписывал к заводам крепостных крестьян и ставил их на работу. Эти люди составили ядро демидовских рабочих.

Демидовы были яркими представителями крепостной промышленности и типичными проводниками царской колониаторской политики.

Разработка Железного рудника началась в 1721 году. Тагильский металлургический завод был основан в 1725 году. Владения и доходы Демидовых были огромны. Один Акинфий Демидов, сын Никиты, основал семнадцать заводов на Урале и в Сибири. В 1814 году рядом с Высокой горой был открыт Медный рудник. Он снабжал рудой Выйский медеплавильный завод, основанный в 1721 году. Род Демидовых размножился, имения раздробились и частью перешли к другим владельцам, но и в момент Октябрьской революции последний из Демидовых владел огромным Тагильским горным округом с двумя рудниками и десятью заводами и на западном склоне Урала — другим огромным имением с центром в Луньевских угольных коях.

С самого начала Демидовы не столько вкладывали капитал, сколько захватывали земли и недра, получали от царского правительства крепостных крестьян, умножая свои богатства эксплуатацией даровой рабочей силы.

Очень быстро они пошли по дорожке всех богатых дворянских фамилий и выродились в бездельных паразитов, живших в Петербурге или за границей, где они купили себе титул князей Сан-Донато — и оттуда сосавших неисчерпаемые богатства, создававшиеся крепостными рабочими. В «Былях горы Высокой» о Демидовых немного рассказано. Те, для кого трудились горняки в шахтах Медного и в ямах Железного, «удостаивали» Тагил своим посещением приблизительно раз в жизни. Последний из Демидовых, «космополит» и царский дипломат, ныне доживающий свои дни в эмиграции в бесплодной тоске по прежнему величию, проходит бледной, комической фигурой по страницам этой книги. Но в этой беглой тени можно безошибочно узнать закон-

ченные черты хищного паразита, когда он возражает против необходимости геологической разведки и требует прибылей, больших и немедленных.

Вся первая часть книги покрыта мрачной тенью демидовщины, той варварской системы, которая определяла организацию труда на рудниках и наложила свою печать на жизнь и быт тагильских горняков.

Крепостные и полукрепостные приемы эксплуатации, связь горняков с землей задерживали оформление классового самосознания тагильских горняков. Но демидовщина не сломила пролетариев Железного рудника.

Меднорудянце начали вырастать в сознательных пролетариев раньше, чем люди Железного рудника. В 1889 году они бастовали и одержали победу. Медный рудник дал первые большевистские кадры — героев и авторов нашей книги: Баранова, Козьмина, Титова. Медный вместе с Тагильским заводом дали тех партизан, которые защищали Тагил от белых банд и гнали Колчака от Глазова вглубь Сибири. Когда после окончания гражданской войны Медный рудник был закрыт, меднорудянце перешли в шахты Железного рудника. В октябре 1930 года в момент борьбы за механизацию Железного рудника, когда саботаж и оппортунизм стояли препятствием на пути начавшейся механизации, меднорудянце, мобилизованные парторганизацией, одержали первую решающую победу в борьбе за социалистическую реконструкцию.

На Железном условия были несколько иные. Работали там не в шахтах, а в открытых выработках. Рудник разрабатывался «крестьянским инвентарем». Когда принудительность труда кончилась, «крестьянский инвентарь» остался. Коннозабойщик, хозяин лошади и таратайки, попрежнему ломал руду и вывозил ее из ямы. Выделились подрядчики — владельцы десяти-двадцати и более лошадей, которые сами не работали и щеголяли белоснежной чистотой своих «рабочих» фартуков, не «оскверненных» никакой работой. Администрация в подрядчиках имела послушных агентов и всячески поддерживала их власть. Это были настоящие маленькие капиталисты, свирепо эксплуатировавшие труд безлошадных гонщиков и ломщиков. Последние находились в исключительно тяжелых условиях: их опутывала сложная цепь эксплуатации, шедшая от Демидовых до подрядчиков.

Здесь корни отсталости и забитости пролетарских масс Железного. Здесь корни того факта, что люди Железного рудника отставали от меднорудянцев.

Но и пролетарии Железного рудника показали силу про-